

A atmospheric photograph of a narrow, cobblestone street in a historical setting, possibly London. The street is shrouded in thick fog, creating a sense of mystery and isolation. On the left, a building with a lit window and a street lamp is visible. On the right, a hanging sign and another street lamp are seen. In the distance, a person wearing a hat and carrying a bag walks away from the viewer, their figure silhouetted against the fog. The overall mood is somber and evocative.

Елена Чипакова

Слушая шёпот тумана.
Часть первая

Елена Чипакова
Слушая шёпот
тумана. Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71127487
SelfPub; 2024*

Аннотация

Городские легенды викторианского Лондона: загадочные монстры и легендарные злодеи, мистические загадки, призраки и тайны потустороннего мира. Что таится за пеленой лондонского тумана? Стоит лишь прислушаться, и он расскажет...

Содержание

Чёрный безоар	4
Пружинки-на-пятках	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Чипакова

Слушая шёпот тумана. Часть первая

Life, believe, is not a dream

So dark as sages say;

Oft a little morning rain

Foretells a pleasant day.

Charlotte Brontë "Life" (1846)

Жизнь, поверь, не ужас необъятный

Мглы кошмарных снов, как говорят порой.

Часто день погожий и приятный

Начинает дождик проливной.

перевод Е. Чипаковой

Чёрный безоар

– Горло перерезано очень острым лезвием. Живот вспорот, желудок извлечен и вскрыт. Возможно, этот субъект питается содержимым.

Комиссар Доусон насмешливо покосился в сторону своего помощника – стройного светловолосого молодого человека, который при последней реплике начальника сменил цвет лица с бледно-палевого на зеленоватый и нервно сглотнул. «Молодец, держится», – одобрительно подумал комиссар, а

вслух сказал:

– На нашей службе, Лэнгли, и не такого насмотришься. Ну, ничего, заматереее со временем.

Тело проститутки, опознанной констеблем, как Грейс Марч, было обнаружено поздним вечером. Мастеровой, возвращавшийся с работы из доков, забежал в грязную подворотню на Грин-стрит справить малую нужду и нашёл ещё совсем тёплый труп несчастной. Заикающегося работягу допросили и отправили домой.

Инспектор Лэнгли заставил себя посмотреть на тело: свалившиеся волосы неопределённого цвета, неопрятное платье кричаще-оранжевого цвета, некогда щегольские стоптанные туфли со сбитыми каблуками. Самая обыкновенная городская гулящая, из самых дешёвых. Чем же она заслужила такую страшную и странную гибель? На тёмную массу, грозящую рядом с её левой рукой, инспектор старался не смотреть.

Внезапно Лэнгли с тихим возгласом наклонился над телом и осторожно отодвинул край платья жертвы. На тёмной брусчатке лежал золотой браслет. Инспектор поднял его и показал комиссару. Доусон подслеповато прищурился и ахнул:

– Это же вензель Донахью!

– Та самая? – потрясённо пробормотал Лэнгли.

История баронессы Донахью около пятнадцати лет назад потрясла всю столицу. Маленькая Вероника вместе с родите-

лями была на прогулке за городом. В лесу на карету напали. Специально назначенная впоследствии комиссия пришла к выводу, что это были волки. Звери растерзали всех, выжила только девочка. Говорили, что на её теле нетронутым осталось только лицо. Её воспитал дядя. После его смерти молодая наследница осталась совсем одна.

Страшное событие навсегда отпечаталось на жизни юной аристократки. Ходили слухи, что она помешалась от ужаса и горя. Возможно, это было правдой. Баронесса вела очень замкнутый образ жизни, каждый её выход в свет становился небольшой сенсацией.

– Нужно немедленно ехать к ней! – вскричал Лэнгли. Комиссар Доусон выразительно посмотрел на него:

– И думать не смей беспокоить миледи среди ночи! Имейте в виду, Лэнгли, я запрещаю! Я вам и так расскажу, что случилось. Браслет был потерян на улице или, что вероятнее, украден. Грейс Марч нашла его на улице или с ней расплатились... гм... за услуги.

– За её услуги? Браслетом, которым можно оплатить год жизни? – скептически пробормотал Лэнгли. Комиссар сделал вид, что не услышал.

– Отправляйтесь домой, Лэнгли. Завтра поработаем над версиями, – сурово произнёс он.

Молодой человек почтительно кивнул начальнику, одновременно тихонько опуская браслет в карман.

– До завтра, сэр.

Окна роскошного особняка на Гросен-сквер светились мягким приглушённым светом. Что ж, по крайней мере, не придётся её будить.

Вышедшая на стук дверного молоточка горничная, посмотрела на Лэнгли так, словно он был папуасом с костяшкой с носу: очевидно, посетители в фамильном доме Донахью были более чем редки.

Его провели в небольшую, довольно аскетично обставленную гостиную. В углу уютно потрескивал камин. Лэнгли сел в кресло и огляделся. Тёмно-синие портьеры, до блеска начищенный паркет, чайный столик. Ни картин, ни ваз с цветами, ни изящных статуэток, столь популярных среди дам. Скрипнула дверь, и инспектор поднялся. Вошедшая дама оказалась ему женщиной без возраста. Бархатное чёрное платье облегло верхнюю часть фигуры, подчёркивая её хрупкость. Бледное лицо, на котором резко выделялись тонкие чёрные брови, точёный нос, узкие, но красиво очерченные губы, тёмные волосы, убранные в замысловатую причёску – именно такой Веронику Донахью запомнил инспектор в их первую встречу. Женщина вперила в молодого человека пронзительный немигающий взгляд. Почему-то на миг стало трудно дышать.

– Простите меня, миледи, за столь поздний визит, – откашлявшись, произнёс инспектор, – но меня привело к вам дело чрезвычайной важности.

Он достал из кармана браслет и протянул его Веронике, внимательно наблюдая за её лицом. Оно даже не дрогнуло. Более того, она не сделала попытки взять украшение. Может, она не совсем его поняла? Не зря же болтают о её странностях!

– Это очень любезно с вашей стороны, мистер Лэнгли, что вы сочли возможным так поспешно вернуть мне браслет. Я уже решила, что лишилась его. Неужели какой-то честный горожанин нашёл его и принёс в полицию?

Негромкий приятный голос с заметной хрипотцой. Инспектору опять стало не по себе.

– Миледи, ещё раз прошу меня простить, но позвольте сначала мне задать вопрос. Где вы его потеряли?

– Сегодня утром я гуляла в парке Суррена. Когда вышла, ко мне подбежал какой-то оборванец и попросил милостыню, я подала несколько монет. Пропажу браслета заметила только дома.

– Почему же вы не обратились в полицию?

Вероника насмешливо приподняла бровь:

– И что бы я там рассказала? Человека этого я не разглядела, да и вообще не была уверена, что браслет украден.

Она помолчала и спросила:

– Так я могу забрать свою вещь? Видите ли, он фамильный...

– Сожалею, миледи, но пока это невозможно. Это улика с места преступления.

Он рассказал Веронике, что случилось на Грин-стрит этим вечером. Впервые на её бесстрастном лице отразились какие-то эмоции.

– Это ужасно, – промолвила она, когда он закончил, – но я совершенно ничем не могу вам помочь.

– Да, это верно, – вздохнул инспектор. – И я в отчаянии, что пришлось вас побеспокоить.

В тёмных глазах баронессы заплясали смешливые искорки, и Лэнгли внезапно осознал, что она ещё совсем молода и невероятно красива.

– Я ведь могу существенно испортить вам карьеру. Не бойтесь?

– Судя по тому, что я о вас слышал, – в тон ей ответил инспектор, – вы не побежите жаловаться.

Тонкие губы дрогнули в улыбке, и Вероника подала ему руку для поцелуя. Прикоснувшись губами к тонким пальцам, затянутым в прозрачную перчатку, Лэнгли ощутил, как сердце предательски пропустило один удар. Снова стало трудно дышать.

В холле хорошенькая горничная подала ему шляпу и запахнула дверь. Он приветливо улыбнулся девушке:

– У вас очень любезная и добрая хозяйка, мисс!

Девушка кивнула:

– Это так, сэр, но, к сожалению, мало кто об этом знает.

– О, нет, вы не совсем правы! Мой друг рассказал мне, что сегодня во время прогулки около парка Суррена она была

очень щедра к тамошним нищим!

Девушка простодушно захлопала глазами:

– Ваш друг, наверное, ошибся. Госпожа часто жертвует на детские приюты и всё такое. Но она уже, по крайней мере, неделю не выходила из дома.

Лэнгли вышел из ворот особняка и шумно вдохнул сырой ночной воздух. Он представил Веронику Донахью, перерезающую горло проститутке, а потом с кровожадным выражением на аристократичном лице копающуюся в ещё тёплых внутренностях своими белыми тонкими пальцами. Бред! Бред! Но зачем она солгала?

Вероника задумчиво прошлась по гостиной. На душе было скверно. Как можно было потерять их последний подарок?! Из приоткрытого французского окна веяло прохладой, и доносился тонкий аромат мирабилиса, ночной красавицы.

«Вероника...»

«Вероника...»

«Вероника... Уже скоро. Мы будем вместе».

Тихий вкрадчивый шёпот, казалось, доносился из всех углов комнаты. Девушка задрожала, по вискам тонкими горячими струйками пробежал пот. По стенам комнаты побежала сетка трещин, из которых, словно куски чёрной глины, полезли жирные блестящие пиявки. Вероника упала кресло и закрыла глаза ладонями.

– Нет! Нет! Уходи! Никогда!

«Иди ко мне, дитя, это не больно. Верь мне, Вероника...»

Сквозь пальцы баронесса видела, как на неё надвигается женщина с глазами без зрачков, пылающими, как угли, пергаментно-коричневой кожей, желтовато-седыми растрёпанными волосами. Из рта кошмарного создания торчали длинные тёмные зубы, похожие на сухие ветки. Женщина что-то говорила, но Вероника её не слышала: сознание померкло, и она лишилась чувств.

Вбежавшая на шум горничная Элси застала хозяйку неподвижно лежащей возле кресла.

– Миледи!

Девушка бросилась к баронессе, доставая из кармана нюхательную соль. Веки Вероники дрогнули, и она едва слышно прошелестела:

– Пошли за доктором Тэнтон, Элси.

– Мальчишка! Я не потерплю подобного самоуправства! – яростно бушевал комиссар Доусон. – Вы хоть представляли возможные последствия?! Донахью богата так, что может ссужать деньги королевской семье!

Лэнгли стоял, опустив голову и пряча лукавую улыбку. Откричавшись, комиссар грузно сел в продавленное кресло и уже нормальным голосом спросил:

– И что она рассказала?

– Миледи потеряла браслет на прогулке. Возможно, он был украден нищим, которому она подала милостыню.

– А я что говорил! – торжествующе подпрыгнул комиссар.

– Не всё так просто, – поднял вверх палец Лэнгли, – горничная проговорила, что баронесса уже неделю не выходила из дома.

– Вздор! – бросил Доусон, но призадумался. – Вы, Лэнгли, вот что... Браслет спрячьте в сейф. В этом направлении мы пока ничего не можем сделать. Найдите подруг этой Грейс Марч да потолкуйте с ними: вдруг они какого-нибудь интересного клиента запомнили.

– Да, сэр, – почтительно отозвался Лэнгли.

У двери кабинета он немного помедлил:

– Сэр, а вы ведь нарочно мне вчера браслет оставили?

Комиссар побагровел, но в глазах мелькнуло лукавство:

– Идите, вы, Лэнгли... К проституткам!

Инспектор с трудом подавил смешок и поспешил уйти.

До позднего вечера он пробегал в поисках тех, кто мог знать Грейс Марч. К его удивлению, все его поиски оказались бесплодны. Девушки, как одна, морщили лбы, припоминали: да, была такая, ни с кем не общалась, странная какая-то. Но в чём была странность, объяснить не могли.

В задумчивости брёл Лэнгли по ночным улицам. В воздухе витал аромат сырости и протухшей рыбы – рядом был порт. Какое-то шестое чувство заставило инспектора оглянуться: за стеной дома мелькнула тень – кто-то затаился в темноте. Если это была слежка, то какая-то неумелая. Лэнгли двинулся дальше, тихонько насвистывая. Сзади за-

шелестели лёгкие торопливые шаги. Инспектор прошёл ещё несколько десятков метров, резко свернул в подворотню и стал ждать. Преследователь почти бегом достиг подворотни и осторожно заглянул в неё. Лэнгли быстро вышел из тени и резким рывком выволок соглядатая в кружок света, падающего из чьего-то окна. И вздрогнул от удивления.

Перед инспектором, съёжившись и дрожа, стояла маленькая хрупкая девушка в скромном коричневом платье с белым воротничком. По-мышьиному серые волосы были стянуты в узел, на длинноватом остреньком носике виднелись веснушки.

– Зачем вы идёте за мной? – грубовато спросил оторопевший Лэнгли. – Кто вас послал?

– О, нет, сэр, ничего такого, – залепетала странная незнакомка. – Я работаю в шляпной лавке, здесь неподалёку. Я засиделась допоздна, а одной идти страшно. Я вас заприметила, вы-то точно приличный джентльмен и шли вы в нужную сторону.... Вот решила тихонько идти за вами. Ну, чтобы вы ничего такого не подумали. Не могла же я попросить незнакомого человека проводить меня!

– Меня вполне можно об этом попросить, не выходя за рамки приличий, – улыбнулся Лэнгли, демонстрируя свой жетон. – Теперь вы, мисс, под охраной полиции. Куда прикажете проводить?

Девушка с облегчением рассмеялась:

– Ох, благодарю вас, сэр! Мы почти пришли. Если пройти

здесь, — она показала на тёмный проход, — мы окажемся на соседней улице, а там до моего дома рукой подать.

— Что ж пойдёмте! — весело сказал инспектор, предлагая девушке руку.

Они довольно быстро вышли на параллельную улицу. Девушка уверенно подвела его тёмному дому и ловко втолкнула в небольшой дворик.

— Теперь я должна вас отблагодарить, — вкрадчиво прошептала она. Её манеры неуловимо изменились: из скромной простушки ночная спутница вдруг превратилась в бойкую соблазнительницу.

— Какие у вас, у... девушек оригинальные методы поиска клиентов, — ошарашено произнёс инспектор.

— Приходится вертеться, — притворно вздохнула лже-шляпница и положила руки ему на плечи. Инспектор хотел, было, отстраниться и вежливо отказаться, но внезапно понял, что не хочет уходить.

Как зачарованный он смотрел на девушку, лицо которой вдруг начало меняться.

«Смотри на меня... Верь мне... Тебе понравится», — зазвучал в голове тихий, обволакивающий шёпот. В свете луны он увидел, как лоб девушки сморщился, челюсть выдалась вперёд, открывая вытянувшиеся клыки, с которых капала пенящаяся слюна. Кожа стала желтоватой, а милые веснушки превратились в красноватые пятна, усеивающие всю морду чудовища. Ощувив боль в плече, Лэнгли тупо посмот-

рел вниз. Кривые когти на покрытых короткой шерстью лапах порвали пиджак и медленно погружались в его плоть. Навалилась странная апатия: не хотелось кричать, звать на помощь или защищаться.

Внезапно какая-то сила оттолкнула монстра от ослабевшего инспектора, который тут же рухнул на землю. В неверном свете звёзд он увидел гибкую чёрную тень, бросившуюся на оборотня. Сверкнул клинок, и туша мешковато осела вдоль стены дома. Неизвестный спаситель подошёл к Лэнгли и склонился над ним, одновременно убирая полумаску с нижней части лица. Инспектор почувствовал, как сердце пропустило удар: перед ним было бледное встревоженное лицо Вероники Донахью.

Ему снились сны: жуткие, отвратительные, тошнотворные. Монстры, покрытые серой шерстью, рвали его тело, он слышал шипение слюны и сытое урчание чудовищ. Но однажды всё закончилось. Он проснулся в небольшой светлой комнате, где стояла только его кровать и небольшой столик, на котором громоздилась куча пузырьков, бинтов и корпии. Пахло карболкой, к тяжёлому запаху которой примешивался пряный аромат каких-то духов. У окна спиной к нему стояла женщина в платье из синего атласа. По изящной хрупкой фигуре и пышным тёмным волосам он узнал баронессу.

– Где я? – прохрипел Лэнгли.

Вероника повернулась и приблизилась к нему:

– Наконец-то, – с облегчением сказала она. – Вы сейчас у доктора Тэнта, моего доброго друга. Вы двое суток были в беспамятстве.

Инспектор ощупал себя: плечо было туго забинтовано.

– Так это не сон? Что со мной случилось?

– Вас чуть не загрызла Тварь. Эти создания питаются человечесиной. Они предпочитают пожирать свою жертву живём, а так как удобнее это делать тихо, они вводят её в некий транс. Сильной боли нет, но это мучительно, мерзко, а поделать ничего нельзя. Единственный шанс победить Тварь – это напасть очень быстро и неожиданно. Если она успела опомниться, лучше бежать. Вам повезло, что я охотилась в городе. Обычно я уезжаю.

– Миледи, – Лэнгли попытался приподняться, – откуда вы всё это знаете? Хотя... Ваши родители...

Баронесса горько хмыкнула:

– Именно. Это были не просто звери. Меня спас дядя, когда Тварь уже начала рвать моё тело. Никто бы не поверил, поэтому дядя не стал опровергать версию о волках. Он воспитал меня и научил их убивать.

– Миледи, вы спасли мне жизнь. И теперь она принадлежит вам.

– Не стоит, мистер Лэнгли. Я ведь немного виновата перед вами: не успела предотвратить ваше ранение...

Она опустила руки ему на плечи и мягко надавила, заставляя снова лечь:

– Я знаю, что вам очень плохо. Слюна Твари ядовита, и даже самые лёгкие раны опасны. Лежите, я настаиваю.

Сердце инспектора сделало какой-то невообразимый кульбит, и он осторожно накрыл её пальцы здоровой рукой:

– Миледи, я болен, и мне простительны любые, самые невозможные слова, но... Вы самая непостижимая, таинственная и прекрасная женщина в мире. Я полюбил вас с первого взгляда! Я понимаю разницу между нами и не жду взаимности. Но я готов служить вам, не отвергайте хотя бы моё восхищение и преклонение.

Вероника ласково улыбнулась и мягко коснулась его лба:

– У вас сильный жар. Как ваше имя, инспектор?

– Роберт.

– Это очень плохо, что вы меня любите, Роберт. Плохо для вас. А теперь поспите.

– Но я должен идти, – возразил он. – Меня комиссар хватится.

Баронесса приложила палец к его губам:

– О работе не беспокойтесь, доктор послал комиссару Досуonu записку, что вы тяжело больны и находитесь у него на лечении. Спите, Роберт. Я приду завтра.

Роберт пролежал в постели ещё неделю. Газеты, которые ему любезно давал почитать доктор Тэнт, кричали о новой жертве таинственного маниака. Сухощавый седой доктор Тэнт проникся к молодому человеку горячей симпатией

и, когда выдавалось свободное время, часто приходил в его комнату выпить чаю или просто побеседовать. Как-то вечером они сидели за чаем, и Лэнгли чуть смущённо сказал:

– Вы простите меня, доктор, я немного загостился у вас. Завтра же...

– И слышать ничего не хочу! – замахал руками Тэнт. – Вы пробудете здесь столько, сколько нужно. Вы не представляете, насколько опасны эти создания. Девочка правильно сделала, что привезла вас ко мне.

Роберт помолчал и показал на газету:

– Так это всё она?

Доктор Тэнт кивнул:

– После смерти они снова принимают человеческий облик. У бедняжки тяжёлый путь. Я не раз лечил её раны. Но шрамы на теле ничто по сравнению с тем, как эти монстры изуродовали её душу.

– Доктор, я всё понимаю.... Но зачем потрошить их?

Старик испытывающе посмотрел на него:

– Так она вам не сказала...

В комнату без стука ворвался запыхавшийся лакей:

– Сэр, от Донахью пришли! С баронессой плохо!

Доктор побледнел и вскочил с кресла:

– Неужели опять! Как скоро... Я еду.

– Я с вами, – поднялся Лэнгли.

– Нет, вы должны лежать, – возразил Тэнт.

Роберт мотнул головой и молча взял пиджак. Спорить бы-

ло некогда.

Вероника металась на кровати, словно в бреду. Всё её тело охватывало огненное кольцо боли, а настойчивый шёпот змеей въедался в мозг.

«Вероника, иди к нам... Больше не будет боли... Вероника...»

Лэнгли держал её, а доктор Тэнт пытался напоить лекарством. Тело баронессы содрогалось в конвульсиях. Роберт внезапно поймал себя на том, что нежно гладит её по голове и шепчет бессвязные, успокаивающие слова. Наконец она затихла.

– Побудьте с ней, мой мальчик, – попросил доктор. – Я съезжу к себе за ингредиентами для лекарства. Торопился, вот и взял мало.

Когда Тэнт уехал, Лэнгли сел рядом с кроватью баронессы и взял её тонкую, почти прозрачную руку. Как эта хрупкая девушка могла бороться с монстрами? Уму непостижимо!

– Это вы, Роберт? Хорошо, что вы здесь, – прошелестел еле слышный шёпот.

– Я хочу вам помочь. Что с вами происходит, Вероника? Только скажите, я всё сделаю.

Она прикрыла глаза, на нижние веки упали синеватые тени, и она стала похожа на умершую.

– Теперь нет смысла скрывать: я больна, Роберт. Первая встреча с Тварью изувечила не только моё тело. Когда они

вводят жертву в транс... это как насилие над разумом. Оно не проходит бесследно. Именно поэтому доктор Тэнт держал вас у себя так долго: он хотел убедиться, что с вами всё в порядке.

Лэнгли похолодел: по долгу службы он бывал в доме скорби.

– Но должно же быть средство!

Она метнула на него быстрый взгляд:

– Вы знаете, что такое безоаровый камень?

– Слышал что-то.... Может вырасти в желудке у козы.

Раньше считалось, что это сильное противоядие.

Она кивнула:

– В желудке каждой Твари всегда есть безоар. Они разных размеров и цветов. Чёрный безоар только у самых старых и опытных. Именно он обладает свойством исцелять безумие, если верить древним трактатам. Другой надежды у меня нет. Микстура доктора Тэнта просто отдалает неизбежное. Приступы будут учащаться, и однажды мой разум погаснет. Я бы не хотела дожить до этого момента.

– Я найду этот чёртов камень! Но вы... Вероника, вы больше не должны охотиться, это опасно. Обещайте!

Она слабо улыбнулась и коснулась его щеки.

– Обещайте!

– Спасибо, Роберт.

– Вовремя вы вернулись, Лэнгли! – шумно радовался ко-

миссар Доусон. – Такие дела творятся! Ещё два выпотрошенных трупа и окончательно спятившая убийца.

Роберт тупо кивал и что-то отвечал, но не слышал себя. Всё рухнуло и обратилось в прах. Жить дальше было незачем. Утром в полицию прибежал запыхавшийся констебль с потрясающей новостью. Таинственный потрошитель был пойман у свежего трупа в совершенно невменяемом состоянии. Им оказалась не кто иная, как полоумная баронесса Донахью!

Её сразу же увезли в сумасшедший дом. Полицейские осматривали место убийства. Роберт бессмысленно пялился на брусчатку, закопченные стены зданий.

– Так что поздравляю вас, Лэнгли: вы оказались совершенно правы, подозревая её, – оживлённо продолжал комиссар. – Однако, какой скандал, богатейшая аристократка, красавица – и вдруг сумасшедшая убийца с ножом!

– А она не могла оказаться здесь случайно? – тихо спросил Роберт.

– Да что вы! Скажете тоже. Вся в крови, рядом нож, каменюка какая-то в руках. Добивала, видимо.

– Каменюка? – переспросил Лэнгли.

– Да вот, сэр, – откликнулся констебль, – еле вырвали из рук. – Она будто сама в камень превратилась.

И он показал на чёрный кругляш, сверкающий на утреннем солнце, словно кусок антрацита.

«Милый Роберт! Если вы это читаете, значит, со мной случилась беда. Я молю Бога, чтобы это была смерть. В любом случае, мы больше не увидимся. Я благодарю вас за то тепло и внимание, которым вы меня одарили в эти последние дни. Мне очень хотелось хоть на миг почувствовать себя под защитой, и вы дали мне это счастье. Я молю вас только об одном, если моё тело ещё живо, спасите его от дома скорби. Вам по плечу эта ноша. Мне некого больше просить. Моё имущество по завещанию разделено на три доли: самая большая часть пойдёт на благотворительность, вторая – доктору Тэнту, вам, мой друг, я оставляю свой дом на Гросен-сквер. Вы можете использовать его и всё его содержимое на полное ваше усмотрение. В моей спальне у камина есть потайная дверь. Чтобы её открыть, поверните подсвечник на каминной полке по часовой стрелке. Вспоминайте меня с улыбкой или не вспоминайте вовсе. Вероника».

Чёткий, уверенный почерк, аккуратные ровные строки. Она всё продумала. Письмо ждало его у двери квартиры. На следующий день он ненадолго заехал к доктору Тэнту и отправился в дом для умалишённых. Его провели к комнате, где находилась Вероника. Сквозь решётчатое окно он увидел, что она сидит неподвижно в углу, глядя в одну точку. Белая рубашка, растрёпанные волосы...

– Вероника, – тихо позвал он, но она не повернула головы. Он осторожно вошёл и заглянул ей в глаза. Они были пусты. Её больше нет, осталась лишь оболочка.

Роберт передал санитару пухлую пачку денег и маленький флакончик, полученный у доктора Тэнта.

– Спасибо, сэр. Сегодня за ужином.

Роберт кивнул и медленно, точно столетний старик двинулся по коридору. Из-за дверей палат раздавались, крики, рычание, стоны. Он не колебался, но как же было больно...

В потайной комнате дома на Гросен-сквер он нашёл оружие и огромную библиотеку старинных трактатов и сборников легенд об оборотнях. В ящиках письменного стола лежали блокноты с записями. Очевидно, изучать Тварей начал ещё дядя Вероники. «На полное ваше усмотрение...» Роберт улыбнулся: она поняла его гораздо лучше, чем он её. Вот и новая цель. Он сел за стол и открыл первый попавшийся блокнот.

Пружинки-на-пятках

Дэниэл Найтингейл был счастлив. На это у него было целых четыре причины. Во-первых, во внутреннем кармане пиджака у него лежал диплом юриста, выданный Университетом Абердина. Во-вторых, вредный папаша Люси Скейлз наконец-то согласился выдать за него свою красавицу-дочь. В-третьих, старый друг покойного батюшки Дэниэла согласился взять новоиспечённого юриста в свою крохотную, но вполне уважаемую адвокатскую контору. А в-четвёртых, Дэниэл был молод, хорош собой и не имел никаких проблем со здоровьем. Чем не причины для полного и безоблачного счастья?

Дэниэл шёл по оживлённой улице, щурясь на заходящее солнце и предаваясь мечтам о будущем. Немного поработать под началом старого дядюшки Фрэнсиса, а потом можно будет задуматься о собственной конторе. Купить для Люси и их будущих ребятишек небольшой домик здесь в Ислингтоне¹ (пока, правда, на это нет средств, но ведь нет причин думать, что они не появятся).

Около часовни Уэсли юрист заметил нескольких нищих и слегка удивился: обычно в этой части Лондона просящих милостыню нещадно гоняли констебли. От группы отделился один человек и заковылял в сторону Найтингейла. Дэни-

эл, будто заворожённый, смотрел на гноящиеся глаза, перемотанные грязнейшими бинтами скрюченные пальцы, которые нищий протягивал к нему.

– Господин, добрый господин, – загнусавил калека, – пожалей старого несчастного солдата. Я воевал за королеву и Отечество, а потом выкинули меня на обочину, на дно...

Юрист вздрогнул, но достал из кармана несколько мелких монет и протянул нищему. Глаза нищего вспыхнули красноватым светом, он схватил руку Найтингейла с неожиданной для его тщедушного телосложения силой и оскалился. Редкие гнилые зубы превратились в кошмарные острые клыки, которые моментально вонзились в плечо Дэниэла. Молодой юрист закричал от боли и попытался отодрать от себя бесноватого калеку. Вокруг послышались крики, свистки полисменов. В голову Дэниэла ударила вязкая душная волна дурноты. Он увидел, как нищего ударили по голове резиновой дубинкой, но тот лишь громко расхохотался, широко разинув окровавленный рот. В ушах зазвенело, и юрист потерял сознание.

Последствия укуса сумасшедшего нищего оказались довольно серьёзными. Дэниэл пролежал в постели почти две недели. Но что его беспокоило больше всего – ему ничуть не полегчало, стало только хуже. Надменный молодой доктор, приглашённый будущим тестем Найтингейла, с каждым днём выглядел всё более растерянным. Сама рана зажила на

удивление быстро, не оставив даже заметного шрама. Но молодого юриста мучала лихорадка, боли во всём теле и ночные кошмары. А окна пришлось повесить более плотные портьеры, так как малейший солнечный лучик, казалось, усиливал боль в сотни раз.

С ним сидела Люси, которую периодически сменяла хозяйка квартиры, которую снимал Дэниэл, миссис Стилтон.

– Люси, – как-то в момент особенно сильной боли прошептал Найтинейл, – простите меня. Я так хотел сделать вас счастливой.

Девушка вскинула на жениха сверкнувший сталью взгляд:

– Милый Дэниэл, не смейте прощаться! Вы обязательно выздоровеете. Наверное, этот сумасшедший заразил вас чем-то. Его просто заперли в клинике для умалишённых. Но он-то жив! И вы останетесь живы.

Моменты мучительной боли и ломоты сменялись тяжёлым забытьём, приходили видения с участием жутких зубастых монстров, разрывающих тела своих жертв. Хруст плоти, потоки крови и снова боль, боль, боль...

Как-то вечером недели через три после происшествия к Дэниэлу заглянула квартирная хозяйка.

– Мистер Найтингейл, к вам мистер Бладхёрст. Очень просит принять.

– Я не знаю никакого мистера Бладхёрста, – прошелестел юрист. – Скажите, что я болен.

В этот момент, деликатно отодвинув миссис Стилтон в

сторону, в комнату вошёл высокий импозантный господин в элегантном вечернем костюме и блестящем цилиндре.

– Тысяча извинений, мистер Найтингейл, но моё дело к вам крайне важно.

Дэниэл кивнул, и хозяйка вышла. Мистер Бладхёрст снял свой цилиндр и обратился к юристу:

– Мистер Найтингейл, прежде всего прошу меня простить, что я не пришёл раньше. Когда с вами произошло это несчастье, я был в отъезде и обо всём узнал только сегодня утром. Прошу вас меня выслушать, не перебивая. Я знаю, что вам очень плохо: мучительная боль, галлюцинации, вы не можете нормально питаться, а солнечный свет стал приносить вам невообразимые муки.

– Сэр, – приподнялся Дэниэл, – если вы знаете, чем я болен, то ради всех святых, назовите лекарство. Умоляю!

– Нищий, что укусил вас, раньше был членом нашей общины. Он не соблюдал...гм... некоторые правила, поэтому сошёл с ума, стал нищенствовать. В том, что с вами случилось, есть доля и нашей вины, мы обязались следить за своими собратьями. Приношу вам свои искренние извинения и поздравления...

Бладхёрст сделал паузу.

– Вы смеётесь надо мной, – прошептал Дэниэл. – Зачем вы пришли?

– Да, молодой человек, именно поздравления, – немного возвысив голос, повторил странный гость. – Да, вы пережили

несколько неприятных моментов, но теперь вы можете войти в круг избранных. Бессмертие, сила, здоровье, власть над людьми. Нас называют вампирами, кровопийцами, упырями и прочими ничего не значащими словами. На нас даже пытаются охотиться всякие глупцы, возомнившие себя борцами с нечистью...

– Вы тоже ненормальный, – сказал Дэниэл. – Уходите. Мне не хочу иметь ничего общего с вашей, как назвать... сектой.

Мистер Бладхёрст тяжело вздохнул, и юрист осёкся.

– Неужели хоть раз нельзя обойтись без демонстрации?

Одним движением мистер Бладхёрст оказался в углу комнаты под потолком. Сидящий на стене прилично одетый господин выглядел довольно комично, только смешно Дэниэлу не было. Гость так же быстро спустился к кровати юриста и оскалился. Его крупные белые зубы начали трансформироваться: клыки вытянулись и заострились. Юристу показалось, что он оказался в одном из своих кошмаров. Найтингейл дёрнулся и вскрикнул. Мистер Бладхёрст зажал ему рот ладонью и прошипел:

– Вы меня очень обяжете, если не будете кричать. Или вы хотите переполошить вашу милую хозяйку, которая сейчас сплетничает с кухаркой. Чтобы эти достойные дамы прибежали сюда и засвидетельствовали, что милый мистер Найтингейл окончательно рехнулся от страха, и теперь ему всюду мерещатся чудовища?

Дэниэл вжался в подушку.

– Так-то лучше, – констатировал мистер Бладхёрст, а юрист прошептал:

– Вы поздравляете меня с тем, что теперь я монстр, проклятое страшилище? Лишённое счастья иметь семью, ходить в церковь, гулять под солнцем?

– А что нам остаётся делать? – сказал гость, ничуть не обидевшись. – Вы не выбирали свою судьбу. У каждого из нас своя история – трагическая, грустная, иногда нелепая, но никогда не смешная или забавная. Однако я вас утомил...

Мистер Бладхёрст поднялся и достал из кармана бутылочку с тёмно-красной жидкостью и визитную карточку.

– Вот ваше лекарство, мистер Найтингейл. Вам сразу станет лучше. Этого хватит на пару дней, потом вопрос с вашим пропитанием будет решён. Найти меня можно через клуб «Гораций». Теперь прошу извинить, друзья ожидают меня в театре.

– А если я принципиально не стану пить кровь?

– А если принципиально, молодой человек... – ответил Бладхёрст. – Жажда скоро начнёт сводить вас с ума. И вы превратитесь именно в то кровожадное чудовище, которым боитесь стать. Я слышал у вас есть очаровательная невеста... обезумевший вампир не видит разницы между родными людьми и незнакомцами.

Когда старый вампир ушёл, Дэниэл немного полежал, собираясь с силами и мыслями. Потом он кое-как дотянулся до

комода, на котором Бладхёрст оставил бутылочку с кровью. Открыл, понюхал и едва удержал позыв дурноты. Но если это и правда может помочь ему... Сделал глоток, с отвращением продавливая жидкость в горло. Его моментально вырвало, и вместо облегчения на юриста обрушился новый приступ боли. Он закатил бутылочку под кровать и позвал хозяйку.

Вбежавшая миссис Стилтон заохала:

– Ох, бедный мой мистер Найтингейл, да что же это делается! Сколько же содрал с вас этот шарлатан в белом халате, а вам все не лучше.

Тут она глянула в сторону, и её лицо исказилось выражением ужаса и гадливости:

– Аааааа! Мерзость какая!!!

Удивлённый Дэниэл посмотрел в ту же сторону: под столом сидела жирная серая крыса и забавно водила розовым носом из стороны в сторону. Найтингейл почти физически ощутил волны страха и отвращения, исходявшие от миссис Стилтон. И боль отступила. Он почувствовал блаженство, словно на его измученное тело пролился целительный бальзам. И голод. Только хотелось вовсе не стакан крови, а баранью отбивную с зелёным горошком.

На следующее утро Дэниэл чувствовал себя совершенно здоровым. Он наконец-то встал с постели и даже прогулялся с Люси по парку. Но после полудня на юриста стала опускаться знакомая пелена боли. Найтингейл проводил Люси домой

и медленно пошёл по улице, обдумывая, что делать. Идея поймать крысу и напугать миссис Стилтон не показалась ему привлекательной. Немного поколебавшись, он взял кэб и поехал на Хайгейтское кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.